

ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ

DETECTIVE

Ольга ВЕТРОВА

Бутик модной мадам

ЭКСМО

Ольга Ветрова
Бутик модной мадам

«ЭКСМО»

2007

Ветрова О.

Бутик модной мадам / О. Ветрова — «Эксмо», 2007

Вика и не думала, что ее когда-нибудь занесет в политику, пока не устроилась работать в предвыборный штаб кандидата в мэры Афанасия Табуреткина. Но и в этой, казалось бы, скучной области она умудрилась найти приключений на свою... голову! Собирая подписи по квартирам, Вика в одной из них обнаружила труп, при котором нашлись документы на имя... Афанасия Табуреткина! Вот только внешне погибший нисколько не походил на их моложавого и подтянутого кандидата... А вскоре убитым нашли еще одного человека – на этот раз полного тезку соперника Табуреткина. Неужели в их городе завелся предвыборный маньяк?..

© Ветрова О., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Ветрова

Бутик модной мадам

Все события и персонажи вымышлены

1

Хороший работодатель – редкость, достойная Книги рекордов Гиннеса. А также повышения производительности труда и неподдельного веселья на корпоративных вечеринках. Гораздо чаще встречаются начальники высокомерные, властные, жадные, бестолковые. Самодуры, которые дают невыполнимые задания, помнят о выговорах, но забывают о премиях. А мне вот довелось увидеть мертвого работодателя.

Я наткнулась на него совершенно случайно. И принялась гадать: он это или не он. С одной стороны, у трупа, который я обнаружила, фамилия, имя и отчество – точно как у моего хозяина. С другой же, я знала, что это не может быть он. Хотя никогда не видела его лично, только на портретах. Невероятная история, но она случилась со мной!

Однако сначала позвольте объяснить, кто такая я и как оказалась наедине с загадочным покойником. Все произошло из-за выборов...

Я давно заметила, что выборы – это большая халява, когда деньги материализуются буквально из воздуха и швыряются во все стороны. Избирательный счет – тугой такой кошелек. И государство туда что-нибудь положит, и спонсоры. Причем выберут одного, а заработают многие: журналисты и политтехнологи, сборщики подписей и распространители листовок, так называемые обходчики подъездов или полевики. Плотники, наконец, которые урны избирательные строгают. А сколько бумаги и чернил уходит...

Конечно, с тех пор, как выборы губернаторов отменили и даже столичного градоначальника назначает президент, плотники и политтехнологи несколько приуныли. Но, к счастью, на просторах нашей родины не счесть муниципальных образований.

И вот в старинный подмосковный городок, назовем его N, пришла осень, а с нею выборы мэра. И что тут началось!

Во-первых, чудеса. На лавочках, которые раздолбали еще в прошлом веке, вдруг опять стало можно сидеть, и на пахнущих свежей краской спинках значилось: «Горожанам от кандидата Табуреткина». Фонтан, куда плевали и бросали окурки, неожиданно взмыл всеми струями в небо, а вечером еще и засиял подсветкой. Специальный фонарь вырывал из мрака плакат: «Мэр Костин делает город красивым». И уж совсем невообразимое: нашлись деньги на ремонт дорог! Не на привычное весеннее латание дыр, а на внеочередную заливку асфальтом, правда, пока лишь на центральных улицах. Но главное – лед, то есть асфальт, тронулся. Горожане даже не знали, что и подумать, чего еще ждать.

Да, жить становится всё лучше, всё веселей. Если дальше так пойдет, мы еще и в Евро-союз вступим, и в Париж будем без виз летать. Но что-то я размечталась. Когда всё слишком хорошо, жди беды...

Для моей подружки Ритки предвыборная кампания – лучше алиментов. Она в одиночку воспитывает дочку и сына, считает каждую копейку. А здесь – такие возможности. Вообще-то Маргарита Снегина – начальник отдела информации в весьма солидной столичной газете. Но хозяева печатного издания щедростью не отличаются, деньги от рекламы предпочитают на свой новый коттедж потратить, а не на премию сотрудникам. Так что журналистам приходится не только работать, но и подрабатывать. Вот Ритка и старается. Любой каприз за ваши деньги:

от агитационной газеты до надписи на заборе, от телевизионных дебатов до митингов у песочницы.

Подруга – отличный специалист по пиару, то есть мастер делать из дерьма конфетку в рекламных целях. И ее пригласил в свой штаб тот самый кандидат в мэры Табуреткин – уроженец города N. Он давно перебрался в Москву, избрался в областную Думу, но в канун выборов вспомнил детство и роскошный сосновый бор на берегу Оки, находящийся в муниципальной собственности. Вот бы там дачку, да не одну! Так и на домик в Швейцарии можно заработать...

Марго и мне дополнительный источник доходов нашла. Зовут меня Виктория Победкина, я молодая и симпатичная учительница английского языка. На мою зарплату, даже с репетиторством, не очень-то разгуляешься, вот Ритка и приписала меня к предвыборному штабу Табуреткина. Кстати, акцию со скамейками придумала она. Хороший ход: скамейки от Табуреткина. Многие предвыборные лозунги забудутся, а этот точно в голове засядет.

Моя работа в предвыборном штабе кандидата на пост мэра города Афанасия Табуреткина заключалась в сборе подписей, расклеивании листовок и разбрасывании по почтовым ящикам агиток. Работа непыльная. Полчаса на электричке, и за пару часов после уроков я как раз успею обойти несколько девятиэтажек.

Правда, когда мой парень узнал о том, чем я занимаюсь, ему это не слишком понравилось. Бойфренда зовут Юра. Юрий Вадимович Баташев. Это очень симпатичный и очень перспективный молодой человек. Даже слишком. Юра окончил не что-нибудь, а МГИМО, работает не где-нибудь, а в МИДе.

А я – по чужим подъездам хожу, за Табуреткина агитирую.

– Ну и сколько ты там зарабатываешь? – вздохнул мой парень, когда узнал об этом.

Мы с ним сидели в кафе, и я объедалась десертами за его счет.

– У родителей юбилей свадьбы. Хочу им новый телевизор купить, – сказала я.

– Я дам тебе денег хоть на «Sony», хоть на «Samsung».

– Тогда это будет от тебя подарок. А что же я подарю?

Конечно, самым лучшим подарком для них стали бы внуки... Но пока мой любимый дипломат делает карьеру, а не детей. Мы с ним знакомы еще со школы. Он старше меня на семь лет. Умнее, воспитаннее, интеллигентнее. И семья у него обеспеченная, и квартира в центре. А я отличницей и тихоней никогда не была, и до метро от нашего дома еще 25 минут на автобусе. Мама у меня – учительница, папа – инженер, Но познакомила нас именно моя мама.

Она преподавала литературу в его престижной школе. И однажды он помог ей донести домой тетрадки с сочинениями. Они с мамой пили чай на кухне и беседовали о Достоевском. А я в это время играла в войну: изображала бомбу, сброшенную на врага, со страшным воем прыгая со шкафа на кровать. Как ни странно, Юрка влюбился в эту бомбу с косичками. У нас приличная разница в возрасте, поэтому сначала он был мне как старший брат. Покупал мороженое, вытаскивал из луж, снимал с деревьев, на которые мне непременно нужно было забраться. Потом стал чем-то вроде охранника. Мама только с ним отпускала меня на дискотеку и даже разрешала возвращаться позже «Спокойной ночи, малыши!». И лишь когда мне исполнилось восемнадцать, Юра превратился в моего жениха...

– Милый, я не собираюсь воровать или стоять с протянутой рукой. Работа в предвыборном штабе вовсе не позорная, – попыталась убедить я его.

– Зато небезопасная. Может, это подходит для юнцов: они и так по подъездам околачиваются, причем большой компанией. Но ты собираешься шнырять по темноте одна. Если хочешь, шныряй. Только предлагаю на деньги, которые тебе за это дадут, нанять телохранителя.

Ну вот! Всегда он так. Юрка не воспринимает меня всерьез. Конечно, я не идеальная невеста. Идеальная невеста для молодого перспективного дипломата – дочка министра или, на худой конец, посла. В крайнем случае, потенциальная домохозяйка, красивая и скромная, которая будет печь пироги и завязывать мужу галстуки. А он заработает нам на жизнь. Но

как же моя самореализация? Как же опыт – сын ошибок трудных? Я уж не говорю о том, что деньги, которые ты заработал сам, оттягивают карман совершенно особенным образом.

– Юр, не волнуйся. Если что, я буду очень громко кричать...

Несмотря на скептицизм моего жениха, однажды теплым вечером в конце бабьего лета я отправилась собирать подписи, необходимые для регистрации кандидата. Конечно, путь не близкий, но это не страшно. Почитаю в электричке книжку. Обожаю детективы: кровавые, веселые, разные. После них и в жизни хочется тайн и интриг...

Для меня, например, всегда было загадкой, почему подъездная дверь не преграда ни для кого, кроме почтальонов. Без проблем на нашу лестничную площадку проникают попрошайки, проповедники и продавцы неработающих утюгов. А вот свежую газету в почтовом ящике не всегда застанешь. Иной раз сразу пачку за несколько дней принесут.

В предвыборном штабе кандидата в мэры Афанасия Табуреткина мне, как и другим агитаторам, выдали отмычку. Толстую такую проволоку, загнутую с одного конца. Нам пообещали, что с помощью этого нехитрого приспособления откроются все двери: как с реечным замком, так и с домофоном. Мне не терпелось проверить, так ли это.

Было еще не поздно и не темно – около половины седьмого вечера. Но я подошла к первой по списку девятиэтажке с внезапной робостью. А ну как в подворотне меня действительно ждет маньяк? Или чудо-отмычка подведет, и меня примут за обычного домошника: поймают и устроят самосуд?

Но дверь открылась без проблем, и я оказалась в тускло освещенном парадном. Хотя это у них в северной столице парадные, а здесь самые что ни на есть будничные, даже затрапезные подъезды. Пахло кошками и табачным дымом. За лифтом маячили какие-то силуэты. Ну все, прощай последняя сотня, сейчас у меня отнимут кошелек да еще и по башке огреют. Наверное, прав был мой любимый мужчина. Эта работа вредная, и на ней больше потеряешь, чем приобретешь...

Однако, присмотревшись, я поняла, что в темном углу целуется юная парочка, которой, скорее всего, просто негде больше этим заняться. Так что их не надо бояться, им надо завидовать. Улыбнувшись, я прошла мимо и позвонила в квартиру на первом этаже.

Мне никто не открыл.

Я позвонила в дверь напротив.

– Кто там? – послышался старушечий голос.

– Здравствуйте, я представляю замечательного кандидата на пост мэра вашего замечательного города Афанасия Табуреткина, – жизнерадостно завела я.

– Нету у меня табуреток лишних. Сама на колчаногах стуле сяду. Ты к Томке иде, на третий этаж, у ней недавно юбилею гуляли...

Бабушка мне не открыла. И я решила не настаивать, оставить в покое старушку, почувствуя трудности во взаимопонимании. Зато дверь следующей квартиры отворилась сразу же. На пороге маячил долговязый и прыщавый молодой человек.

– Я собираю подписи в поддержку депутата Табуреткина. Афанасий Михайлович, простите, Иванович, в Московской областной думе лоббировал законопроект о бесплатном проезде для студентов, о доплатах к стипендии. Он ваш земляк и хочет стать мэром города, чтобы отстаивать ваши интересы. Давайте поможем ему в этом.

– Стриптиз покажешь – подпишусь! – плотоядно улыбнулся сексуально озабоченный студент.

– Что вы имеете в виду? – оскорбилась я. – Могу листовку показать, могу газету. Кандидат в профиль, анфас.

– Да на кой он мне сдался, кандидат этот?

– А как же гражданская позиция? Равнодушие народа порождает беззаконие власти.

– Ладно, мне тут некогда. У меня комп завис, – поскущел юнец и захлопнул дверь.

Да-а, что-то мне не везет сегодня. Ведь оплата у меня не повременная, а поподписная. Нет, как-то не очень прилично вышло. Объясню по-другому. Деньги мне вручают за каждую подпись. А где их взять, росчерки эти, если наш народ политически пассивен и социально безграмотен? Он никому не верит и старается ни в чем не участвовать. Подозреваю, что, если бы мне нужны были голоса против кого-то или чего-то, а не за, дело бы пошло быстрее. Наши люди ведь всегда с готовностью выступали даже против угнетения негров в Африке...

Ситуация улучшилась лишь на третьем этаже, видимо, у той самой Томки. Мне открыла женщина лет пятьдесят – моложавая и ухоженная. В хорошем настроении: наверное, после юбилея осталось много конвертов. Она согласилась подписаться за моего кандидата, впустила меня в квартиру, сходила за паспортом.

– Я в больнице работаю, на окраине города, – доверительно сообщила она. – Так наш нынешний мэр Костин еще два года назад пообещал нам дорогу отремонтировать. До сих пор ждем. Мы ладно, как-то добираемся, хотя каждый километр в автобусе пятой точкой считаешь. А представляете, больных «Скорая помощь» к нам везет, подпрыгивает. Тут и роды преждевременно начнутся, и второй инфаркт приключиться может. Короче, Костину я больше не верю, подпишусь за его конкурента. Правда, боюсь, и он болтун.

– К сожалению, глухонемые в выборах не участвуют, – вздохнула я. – Хотя, наверное, это и был бы идеальный кандидат: о нем только по его делам судили бы.

Женщина улыбнулась и, наконец-то, избавила мой подписной лист от безупречной белизны. И супруга своего заставила поучаствовать в процессе.

Третья подпись в этом подъезде далась мне труднее. Пожилой пенсионер сначала заставил меня выслушать нудную лекцию о предательстве Хрущева, сдавшего Крым без боя, и о вредительстве Ельцина, развалившего Советский Союз, но потом дед все-таки изобразил законючку там, где я его попросила. Короче, процесс пошел.

Через час в моем листе чернело уже с десятков фамилий. Правда, каждая из них досталась мне несчетным количеством слов и ступенек, и теперь у меня болели ноги и голова. Но я мужественно зашла в следующий подъезд и сразу же направилась к лифту. Решила применить новую тактику. Не подниматься, а спускаться, начав с 9-го этажа. Может, так будет легче.

На самом верху мне никто не открыл, видимо, хозяева работают в столице и еще не выбрались из пробок. А вот на восьмом этаже я наткнулась на распахнутую дверь. Мне это сразу не понравилось.

Открытая настежь входная дверь чужой квартиры – это плохо. В больших домах больших городов дверь держат на замке, да еще и не одном. И остальные три двери на 8-м этаже панельной девятиэтажки выглядели нормальными, закрытыми. Эта же зияла, как черная дыра.

Мне стало не по себе. Понятно же, что просто так хозяева не уходят, не закрыв все замки. «Отворенная» – не от слова ли «вор»? Неужели в доме поорудовали жулики, если не кто похуже? Если здесь произошло преступление, я из сборщика подписей рискую превратиться в свидетеля, а то и в подозреваемого. В кармане-то у меня отмычка...

Но делать нечего. Когда перед тобой распахнули дверь, нужно в нее войти. Вообще-то я люблю всякие тайны и загадки. Так что мялась на пороге я больше из приличия, на тот случай, если ответственные квартиросъемщики где-то рядом. Сначала я позвонила, затем постучала в открытую дверь и лишь после этого вошла.

Темный коридор. Но дальше, в комнате горел свет. Я шагнула туда. И замерла. Гнездышко нельзя было назвать уютным: блеклые обои, старая мебель. Ни ковров, ни безделушек. Вид почти не жилой. Но жилец все же имелся. Правда, он был уже не жилец.

Лежал на полу в большой комнате рядом с продавленным диваном и черно-белым телевизором. Я увидела синее лицо, вытаращенные глаза и черную удавку на шее.

О господи, мои худшие опасения подтвердились, я наткнулась на труп!

Мужчину удавили черным шарфом. Так как никакого крючка или балки рядом не имелось, значит, он не сам повесился. Его убили.

Меня обуял ужас. Мне захотелось взвизгнуть и броситься вон. Но я ведь не кисейная барышня, падающая в обморок при виде крысы. Нет, я не дала деру, а подошла поближе. Погибший был невысоким мужчиной не первой молодости, с пропитым лицом, плохой стрижкой, в грязноватой рубашке и мятых брюках. У него на груди лежали паспорт и газетная вырезка.

Я читаю детективы и, конечно, знаю, что на месте преступления ничего трогать нельзя. Но любопытство оказалось сильнее. К тому же я верю, что ничто не делается просто так. Что-то же привело меня в эту квартиру с трупом внутри. Так что я достала из сумочки носовой платок и аккуратно взяла им газетную полоску. Это была не статья, не заметка и не фотография. Крупным шрифтом было выбито всего несколько слов «Я за чистые выборы!». Видимо, лозунг одного из кандидатов. Надо же, труп как-то связан с предвыборной гонкой. Но как?

Я наклонилась за бордовой книжкой с золоченым гербом. Она была открыта на одной из страниц, так что я просто перевернула документ вниз обложкой. Нет сомнений, это удостоверение личности погибшего. Его фотография – все та же неряшливая, грубоватая и простоватая внешность. Я прочитала фамилию, имя и отчество, и у меня потемнело в глазах. «Табуреткин Афанасий Иванович», вот что значилось в паспорте.

От неожиданности я выронила документ. Вот вам и связь, причем прямая, как, извините, кишка. Так зовут моего кандидата! Того самого, за которого я агитирую уже второй час и который должен заплатить мне за это, чтобы хватило на телевизор для родителей. До этого он не должен умирать. Некрасиво отходить в мир иной, не расплатившись.

Так, стоп! Не может будущего мэра найти убитым его собственный сборщик подписей. Да и разве станет депутат и кандидат в мэры, поставивший лавочки в каждый двор, жить в такой убогой квартире? Я уж не говорю о том, что с листовок, свернутых трубочкой и лежащих в моей сумке, улыбается весьма молодой и импозантный мужчина. Совсем не похожий на фото в паспорте и самого покойника.

Что же получается? Он жертва страшной болезни, внезапно изуродовавшей и состарившей лицо, как герой оранжевой революции? Или он сделал пластическую операцию и походил какое-то время во всей красе, а потом швы разошлись, и природа взяла свое? Тут с горя удавишься!

Я терялась в догадках. Одно знала наверняка – здесь творится что-то странное. Мистика, наваждение, колдовство! Дошло до того, что я начала разговаривать сама с собой.

– Да нет, этого не может быть! – воскликнула я.

Мой работодатель жив-здоров и готовится к политическим дебатам. Его ждет победа на выборах, а меня, Ритку и других членов его штаба – большущая премия. Этот мертвец в обшарпанной квартире не может быть кандидатом в мэры. Тогда кто же он такой?

2

Я вылетела из квартиры, как пуля из пистолета. Где-то внизу заурчал лифт, нарушив тишину, стоящую со мной на лестничной клетке. Путаясь в «молнии», кошельке и косметичке, я вытащила из сумочки мобильный телефон и позвонила в милицию. Но связь была не очень:

– Что вы говорите, обнаружили? Трубы? Какие трубы? – проворчал дежурный.

– Да не трубы.

– Трупы?

– Труп. Один. Зато какой! Афанасия Табуреткина. Так зовут одного из главных участников выборов, – попыталась растолковать я.

– Каких выборов?

– Мэрских. Которые скоро будут. Присылайте опергруппу, все очень серьезно...

– И трубы у нас мерзкие, и лифт то и дело отключают, и вообще, – я даже не заметила, как рядом со мной на лестнице остановилась пожилая женщина с кошелками. – Группа тут не поможет. Тут бригада нужна. Очень скорой помощи.

– Извините, я не о мерзких трубах говорила, а о мэрских выборах. Тут другое дело. Вы знаете, кто вон в той квартире живет? – Раз подвернулся случай, нужно навести справки.

– Там-то? Да никто.

– Пустая стоит?

– Зачем пустая. Сдается мне, она сдается... Ой, заговорила я с вами, – внезапно всполошилась местная жительница. – У меня сериал начинается. Сегодня главное выяснится: от кого у нее ребенок!

И женщина принялась греметь ключами возле двери, соседней с квартирой трупа. Или это не его квартира, а съемная. И фамилия не его... Ладно, пусть милиция разбирается в этой фантазмагории и устанавливает личность и адрес мертвеца. Им за это деньги платят.

Я же позвонила Ритке, которая по долгу службы должна быть в курсе всех последних новостей.

– Марго, у меня ЧП! – заорала я в трубку. – Пять минут назад я наткнулась на труп Афанасия Ивановича Табуреткина.

– Вика, что с тобой? – Я даже по телефону увидела, как округлились ее глаза. – Я сейчас нахожусь в штабе Афанасия Ивановича, пять минут назад я с ним беседовала, и, поверь мне, это был не спиритический сеанс.

– Ритка, приезжай немедленно. Здесь творится что-то странное.

– Господи, где?

Я продиктовала адрес. Она обещала приехать как можно быстрее: «до того, как ты окончательно свихнешься». Так она сказала. Чудесно, лучшая подруга считает, что мой рассудок под угрозой. Но я своими глазами видела труп и своими руками держала документы трупа.

Успокойся, этому должно найтись разумное объяснение, уговаривала я себя. Минут через десять из лифта выгрузилась оперативно-следственная группа в милицейской форме, и поиск объяснения начался.

Меня оттеснили за оцепление, состоящее из участкового. Остальные прошли в квартиру. Топотали там, громыхали, матерились. Потом подъехала вторая порция стражей порядка – на этот раз в штатском. Первой вышагивала дамочка в черном костюме с короткой юбкой и на высоких каблуках, за ней – недоросток, весь в наколках. Вылитый уголовник. Следующий парень нес в руках большую видеокамеру, замыкал шествие пожилой человек с чемоданом, как у экспертов. Хотя почему как? Скорее всего, он и есть эксперт.

Еще через какое-то время подтянулись люди в погонах, причем полковничьих и подполковничьих, – это прибыло начальство из райотдела и областного ГУВД. После них прорвалась

Ритка. Но «оцепление» ее дальше меня не пропустило, несмотря на то, что она размахивала журналистским удостоверением и вещала что-то про свободу слова.

Короче, мы стояли с ней возле мусоропровода, и я на ухо сообщала ей все, что знаю. Она лишь недоверчиво качала головой. Через полчаса начальники удалились. А невысокий гражданин в штатском, похожий на зэка, вышел покурить на лестничную площадку. Тут-то Ритка и взяла его тепленьким.

– Привет, Стас! – улыбнулась она ему как родному.

Оказалось, что товарищ вовсе не вчера откинулся с зоны, а уже три года возглавляет убойный отдел Управления уголовного розыска областного ГУВД. Маргарита не раз общалась с ним по поводу раскрытых преступлений. А вот «глухари» он обсуждать не любил. Но и Ритка не вчера родилась.

– Странное убийство, правда? – огорошила она его.

Я отлично видела, что опер уже приготовился хмуро бросить акуле пера: «Без комментариев!», но слова замерли на языке.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался он.

– Естественно, личность убитого. Если не ошибаюсь, покойника зовут Афанасий Иванович Табуреткин.

– Откуда информация? – Стас зло зыркнул на меня. – Свидетели не должны разглашать тайну следствия.

– Меня об этом никто не предупредил, – независимо отозвалась я. – Со мной вообще не разговаривали.

– Следователь закончит с осмотром места происшествия и поговорит, – пообещал опер. – Кстати, а как вы, гражданочка, тут оказались?

– Подписи собирала. В поддержку кандидата в мэры Афанасия Табуреткина, – я потрясла у него перед носом подписным листом. – А вы, кстати, не местный? Не хотите ли поддержать оппозицию нынешней, насквозь проворовавшейся власти, и отдать свой голос за нашего кандидата?

Я понимала, что это не совсем уместно. Но так хотелось заработать еще чуть-чуть.

– Если вы подпишетесь за товарища Табуреткина, это не означает, что вы обязательно должны за него потом проголосовать. Вы просто дадите ему шанс заявить о себе в предвыборной борьбе. Окончательное решение примете потом. Главное, не позволить бюрократам протолкнуть везде и всюду своих людей.

Вот я разошлась. Хотя, постойте, если Табуреткин мертв, подписи ему уже не нужны...

– А почему бы нет, – неожиданно согласился опер. – С удовольствием подпишусь.

Я расправила плечи: прямо Цицерон, да и только! Кого угодно на что угодно уговорю. Но долго гордиться собой у меня не получилось.

– Вообще-то, я как раз местный. Мы с Афоней в одном классе учились, – признался Стас. – Он давал мне списывать – я дам ему шанс.

Я вытаращила на него. На вид нет и сорока, а тот в квартире, который не дышит, лет на 20 старше. Никак не мог сыскарь сидеть за одной партой с покойником.

– Стас, не темни. Что за Табуреткина убили? – настойчиво спросила Ритка.

Опер, не торопясь, вписал в мой лист свои паспортные данные, убрал ручку во внутренний карман черной джинсовой куртки и только после этого ответил:

– Табуреткина Афанасия Ивановича.

– Стас! – простонала моя подруга.

Он, наконец, сжалился, стал более разговорчивым:

– 1948 года рождения, проживающего в деревне Большая Грязь.

Глухомань, километров 30 от райцентра. А наш кандидат вроде не из села. Никогда не слышала, что он в буквальном смысле из Грязи в князи, то есть в мэры.

– В этой квартире погибший не жил, это съемная жилплощадь. У него в кармане нашли визитную карточку Виталия Морозова, – продолжал Стас.

– Того самого, Деда Мороза при мэре?

– Да, этот явно не однофамилец.

– Тогда все ясно, – удовлетворенно заметила Ритка.

Что ясно? Мне ничего не ясно. С каких это пор визитная карточка важнее паспорта? Я хлопала глазами, как ворона крыльями, и ничего не смыслила в происходящем.

– Стас, нужны понятия, – крикнули из квартиры.

Все, интервью закончилось.

– Рит, объясни толком, – взмолилась я.

– Элементарно, Ватсон! – усмехнулась она. – Виталий Морозов, которого прозвали Дед Мороз, возглавляет предвыборный штаб нынешнего мэра Геннадия Костина. Видимо, перед нами наглядный пример черного пиара. Чтобы запутать избирателей, выставляют на выборы однофамильца противника, а желателен полный тезку. Далеко не все разберутся, какой Табуреткин настоящий. Это же надо года рождения сличать, морды лица, биографию читать. Придет к урне для голосования полуслепая старушка, разве ей до этого? Вот и нашли в захолустье «двойника» нашего кандидата. Привезли в город, поселили в съемной квартире, собрались регистрировать, но кто-то угробил многообещающую предвыборную технологию. Да еще и подпись оставил. Ты говоришь, там была газетная вырезка? «Я – за чистые выборы!» Это лозунг Табуреткина. Нашего, настоящего, к счастью, живого и здорового.

Я слушала, открыв рот. Оказывается, выборы покруче любого детектива будут. Хитрости, козни, запрещенные приемчики. Похоже, оказавшись в предвыборном штабе, я заработаю не только на хлеб, но и посмотрю зрелища.

– То есть это настоящий Табуреткин тезку уколошил, чтобы под ногами не путался? – предположила я.

– Вика, ты с ума сошла? – нахмурилась Марго. – Он же политик, а не уголовник. Никого он не убивал. Но, ты права, подозрения на нашего кандидата теперь обязательно падут. И его политические противники рассудят так же, как ты. У нашего штаба будет много работы.

– Подожди, получается, что это преступление живому Табуреткину невыгодно? – продолжала размышлять я. – С одной стороны, оно избавило его от двойника. Вряд ли найдутся еще тезки. Фамилия-то редкая, да и зовут его не Владимир Владимирович. Но, с другой стороны, убийство бросает на него тень. То есть голосов не прибавляет. Тогда кому же это нужно? Кто убил несостоявшегося кандидата в мэры?

Ритка не знала ответа на эти вопросы. И милиция не знала, и прокуратура. Вообще никто не знал. Разве что убийца. Значит, нужно спросить у него, решила про себя я. Но вслух говорить не стала. Почему-то ни Маргарите, ни Юре, ни другим моим родственникам и знакомым не нравится, когда я начинаю поиски жестоких убийц.

Мы проторчали на лестничной клетке больше часа, как незванные гости. Но ведь это я всех позвала. Если бы не я, неизвестно, когда бы обнаружили тело. Людям обычно хватает своих проблем, до соседей дела нет, особенно если на сериал спешишь. Тем более жилец – приезжий, хозяин квартиры пожаловал бы сюда лишь в день внесения платы за аренду. Неизвестно, когда бы штаб Костина забеспокоился. Как я понимаю, от подставного кандидата в основном документы требуются и подпись. Ритка сказала, что регистрация начнется только через неделю. Так что я спасла подъезд от аромата недельного трупа. И что вместо благодарности?

Я начала медленно закипать, как ужин, когда тебе очень хочется есть.

– Ну сколько можно! Хоть бы стульчик дали! – пробурчала я.

– Или интересную информацию, – подхватила Марго. – А то только время тут теряем!

Подруга постоянно куда-то звонила по мобильнику. Ей не терпелось обсудить произошедшее с людьми из штаба Табуреткина, но оставлять меня здесь одну она не собиралась.

На нас никто не обращал внимания. Участковый подстелил свою черную папку и уселся прямо на ступеньки. А мы куда сядем? Разве что ему на колени. Только боюсь, это будет расценено, как покушение на представителя власти.

– Короче, мне надоело! – заявила я.

И так резво бросилась ко все еще открытой двери, что оцепление осталось в оцепенении. Теперь в квартире было все перевернуто вверх дном и пахло очень неприятно. Даже труп не выдержал тягомотины и начал разлагаться...

– Мне нужен следователь! – потребовала я, заходя в комнату.

Понятые – та самая соседка, любительница сериалов, и какой-то седой гражданин – переминались с ноги на ногу у окна.

– Ну я следователь, – строго отозвалась дамочка на каблуках, которая с комфортом сидела на диване. – Посторонним тут делать нечего.

– Вы извините, но нас дети дома ждут. Близнецы, между прочим. Уже «Спокойной ночи» прошли, а нам еще до Москвы добираться. Так что или сейчас меня допрашивайте, или я уйду.

Девушка посмотрела на меня скептически. Интересно, зачем ей на месте происшествия такой яркий макияж? Или она на свидание собиралась, когда ее сюда вызвали? Тогда понятно, почему она нас так долго маринует – в отместку. Сейчас вообще распорядится надеть на меня наручники.

– Ладно, – сменила она гнев на милость. – Завтра после обеда придете в городскую прокуратуру, кабинет 8. Там и поговорим.

Так мы с Риткой получили, наконец, увольнительную. Кстати, не думайте, я не соврала. Близнецы нас действительно ждут – Риткины. Глебка и Рита-маленькая. Хотя ждут они, конечно, маму. Я же отправилась к своему жениху.

Юра часто бывает в командировках, а его роскошная квартира вместе с кошкой Теркой поступает в мое полное распоряжение. Но как раз сегодня вечером хозяин должен был вернуться, поэтому я предчувствовала особенно приятный вечер. После всех этих хождений, стояний и стрессов мне просто необходима теплая ванна, вкусный ужин и немного любви.

Готовить я терпеть не могу, и вся надежда на то, что мой парень пожарит свое вкусное мясо по своему фирменному рецепту или, на худой конец, закажет пиццу. И хорошее вино у него всегда в баре есть, и пиво в холодильнике. Короче, с мужчиной мне повезло. Особенно остро это чувствуется на чужом фоне. Буквально сегодня я слышала в учительской, как молодая преподавательница жаловалась:

– Представляете, вчера вечером в магазин не зашла, сразу домой. Ведь и так две сумки тетрадок тащила. Да и у мужа был выходной. Ну, думаю, хоть хлеба и молока он за целый день купил. Как же! В холодильнике пусто. Говорю ему:

– Сходи в магазин.

Он тяжело вздыхает:

– Я только сел.

– А что ты делал? Неужели кран наконец починил?

– Да нет, я лежал...

– Зато он с тобой никогда не разведется, – «утетила» училку наша завуч. – Трудно ведь бесплатную домработницу найти...

Но я отвлеклась. Предчувствуя встречу с любимым, я влетела в подъезд его новенькой многоэтажки из разряда «элитный жилой комплекс с причалом для яхт». У Юры, конечно, пока не было яхты. Однако я не удивлюсь, если она когда-нибудь появится.

И консьержка из его подъезда не удивится. А вот на меня она обычно смотрит с подозрением. Где мои босоножки от «Моноло Бланик» и бриллианты от «Тифани»? Так, может, я не подруга хозяина элитного жилья, а его домработница, которая иногда остается ночевать? А хозяин в курсе? Однажды она так у меня и спросила, а потом еще и у господина Баташева уточнила. Бдительная пенсионерка...

Но Юра сам дал мне ключ. Им я и открыла сейчас дверь. Мы же, считай, живем вместе. Так что я не в гости пришла, а домой. В коридоре было темно, и я наступила на Терку. Обошлось без травм, но и не без возмущенного мяуканья. Вообще-то она очень симпатичная сиамская киска: палевая, голубоглазая и ласковая. Любит тереться о наши ноги, за что и получила свое прозвище.

Но сейчас я смотрела не на нее, а на свет, который лился только из спальни. Странно, обычно Юра так рано не ложится.

Я щелкнула выключателем, поставила сумку, разулась. И второй раз за сегодняшний день пошла на свет. Услышала негромкую музыку, и какую! Что-то про любовь-морковь и глазки, как в сказке. Безголосая попса! В квартире Юры, который считает, что за песни под фанеру нужно платить ксерокопиями денег. Этого не может быть!

Я ворвалась в спальню. И остолбенела. Нет, только не это! Дежа-вю. Ну, скажите, в чем я провинилась? За что мне в один день целых два испытания? И еще неизвестно, какое хуже...

Я Опять Нашла Тело.

То хотя бы лежало в посторонней квартире. Оно меня как бы не касается. Вот завтра исполню свой гражданский долг, схожу на допрос к девице с ярким макияжем – и все, могу забыть об этом навсегда. Только любопытство, а не необходимость может заставить меня выяснять, как это тело попало в ту квартиру, что случилось да почему. Но от тела в собственной спальне так просто не отвертишься. Про него не забудешь.

Впрочем, это не единственная разница. Я поиграла в игру «Найдите десять отличий». То тело было мужским, это женским. Там толстым, здесь худым. Там бледным, здесь загорелым. И главное – то было мертвым, это всего лишь голым.

Да-а, зря я себе самой завидовала. Как говорится: если ты думаешь, что твой муж лучше, чем у подружки, значит, ты еще не замужем. Строго говоря, так и есть. Юра мне не муж, но мы так давно вместе, что я расслабилась. Я ему всегда доверяла. Как оказалось, зря!

Сегодня в постели своего жениха я обнаружила голую блондинку.

3

Если честно, этого можно было ожидать. Только немой не сказал мне, что мы с Юрой не пара. Его родители ждут не дождутся, когда он найдет себе кого-нибудь попримечнее обычной учительницы, которая к тому же постоянно влипает в истории типа «пошла непонятно куда, наткнулась на непонятно чей труп». И вот, видимо, он, наконец, нашел. Можете радоваться и пить шампанское, только я не уверена, что голая блондинка – такой уж приличный вариант.

Справедливости ради надо сказать, что девица была не совсем в стиле ню, но уж точно без одежды. Ведь мое любимое махровое полотенце персикового цвета не считается платьем даже у минималистов.

Итак, неизвестная мне загорелая дылда, завернувшись в мое полотенце, лежала на животе в кровати моего жениха и листала какой-то гляцевый журнал. В ушах – плеер с безголосой попсой, длинные ноги движутся в такт музыке. Меня она пока не заметила. Так что я еще могла сделать вид, что ошиблась спальней, и поспешно ретироваться. Ничего не вижу, ничего не знаю и знать не хочу. Или мне придется вцепиться ей в волосы и под пытками выбить признание: как давно Юра обманывает меня.

Ужасное чувство! За моей спиной эти двое встречались, да еще и, наверное, смеялись надо мной. Никому нельзя верить! Нельзя даже на минутку почувствовать себя счастливой. Я считала, что мне повезло с парнем, но кто знает, сколько еще девиц заворачивались в персиковое полотенце в мое отсутствие. Нужно встроить туда микрочип – этакий журнал учета – и как можно чаще его проверять. Если постоянно подозревать худшее, рано или поздно подозрения подтвердятся. Но если не подозревать, тоже подтвердится...

Кстати, а где сам герой-любовник? Принимает душ после подлой измены? Хочет смыть следы своего мерзкого предательства?

Но тут громко мякнула Терка, хлопнула входная дверь, и появился гнусный иуда. Выглядел он, как всегда, безупречно. Отличный костюм, модный галстук и ботинки явно не за тридцать серебряников. Даже заметив меня, он не смутился, не превратился в растерянного щенка, которого уличили в авторстве лжи.

Он улыбнулся мне и как ни в чем не бывало сказал:

– Привет, Клубничка!

Это ласковое прозвище, ведь зовут меня Викторией. Но сегодня я смотрела на любителя клубнички совсем другими глазами. Я была настолько ошарашена, что, стоя в дверях спальни, позволила ему чмокнуть себя в щеку. Потом он прошел на кухню и стал разгружать на стол и в холодильник содержимое двух больших пакетов.

Какое, однако, самообладание! Нет, мне известно, что психологи советуют изменникам отрицать все, даже самое очевидное. Всегда можно вывернуться, найти невероятное объяснение, которому поверят. Ведь с рогами и на работе неудобно, и дома некомфортно. Уж лучше: «Дорогая, это не то, что ты думаешь. Это наша участковая медсестра. Она пришла делать ежегодную прививку от гриппа, но вдруг выяснилось, что у нее редкая болезнь – аллергия на белый халат. А другой одежды у бедняжки не оказалось. Так что пришлось предложить ей прилечь и твое полотенце...»

Ну уж нет! Я не из тех, кто рад обманываться. Я не стану прятать голову в песок: волосы же потом не промоешь. Во мне закипало негодование. Шагами командора я проследовала за Юрой на кухню и спросила с металлом в голосе:

– Что это значит?! Что эта обнаженная дылда делает в нашей спальне?

На самом деле мне хотелось заорать:

– Кобель! Подлец! Конец!

А потом еще начать бить тарелки. Но я сдержалась. Пока.

– Это Лана, наша стажерка, – спокойно ответил мне Юра.

– И чему же эта Лама будет у нас учиться?

– Не у нас, а у тебя. Она – студентка и пишет дипломную работу о предвыборных технологиях. И просто мечтает познакомиться с тобой и с Ритой. Я не смог отказать.

– Еще бы, таким ногам не откажешь! – фыркнула я.

– Ее папе не откажешь. Она – дочка моего начальника – заместителя нашего министра. Хотя и внебрачная дочка. Приехала из Питера. Супруга замминистра детей иметь не может, поэтому не жаждет принимать Лану у себя. Да и почему я должен отказывать? – пожал плечами Юра. – Мне не трудно выполнить эту просьбу.

– Даже приятно, – язвительно заметила я. – Будь она толстухой с бородавкой на щеке, вряд ли ты с такой же готовностью пустил эту дочку в нашу спальню.

– Вообще-то Лана вчера устроилась в гостиницу. Но сегодня пожаловалась, что там допоздна шумят в коридоре и запах такой, будто тараканов травят. Вот я и предложил ей сегодня переночевать у меня. Заодно и с тобой познакомится. . .

– В нашей постели?! – Мои глаза метнули в Юру молнию, но, кажется, не попали.

– Лана сказала, что не может спать на диванах, проблемы со спиной, – объяснил мой парень. – Я уступил ей спальню. Ничего страшного, Клубничка, на диване поспим мы. Это всего пара дней. Потом она вернется в свой Питер.

То есть измены не было? Вернее, была, но изменил не мой жених, а его начальник лет этак 19 назад. И теперь не может устроить свое чадо на ночлег в квартире официальной супруги. А Юрка все такой же мой, классный и порядочный. У него ничего нет с этой папиной дочкой. Просто так сложилась ситуация, что она замоталась в мое любимое полотенце и разлеглась на нашей кровати.

– Господи, она приехала в чужой город и при этом не может спать ни в гостинице, ни на диване! Это же все равно, что прибыть в Арктику в босоножках, – возмутилась я.

Не буду скрывать, меня дико раздражала эта приезжая пигалица.

– И что это за имя такое – Лана? Небось зовут ее всего лишь Светкой!

– Светланой, с вашего позволения, – вдруг произнес жеманный женский голос. – Но лучше все-таки Лана.

Я резко повернулась. Теперь уже наша гостья маячила в дверях. Каким-то образом она умудрилась одеться, но при этом остаться голой: на ней был короткий шелковый пеньюар красного цвета. Разве в таком виде ездят в гости к отцам? Может, ей мои старые джинсы подарить?

– Это Лана, это Вика, – вежливо представил нас Юра.

– Это твоя учительница? – заинтересовалась питерская штучка.

Ого, похоже, они все-таки обсуждали меня за моей спиной.

– Учительница? – хмыкнула я. – Вообще-то Юра уже закончил школу и даже университет.

– Я имела в виду, твоя девушка, которая работает учительницей, – пояснила Лана, как будто разговаривала с кем-то из ясельной группы.

– Да, я его девушка. И я работаю учителем, – с достоинством сообщила я.

В конце концов, у меня классная профессия, без нее обществу никуда. Есть ли у вас любимый депутат? А вот любимая учительница есть у каждого!

– Господи, я уже много лет не встречала живую учительницу! – с энтузиазмом людоедки воскликнула гостья. – Где же ваша указка?

Она что, издевается? Или перед нами типичная блондинка, у которой волос долог, а ум короток, как юбка? Я тоже, между прочим, светловолосая красавица. Но у меня короткая стрижка, энергично-растрепанная. А эта русалка полдня расчесываться должна, так что думать ей некогда.

– Указкой я пригвоздила к доске двоечника, который достал меня глупыми вопросами. Пусть повисит до завтра, – зловеще проинформировала я.

– Это шутка? – неуверенно захихикала Лана.

– Ну конечно, – поспешил разрядить обстановку Юра. – Давайте ужинать, дамы.

Оказалось, что в микроволновке уже приготовилось мясо с брокколи, а в холодильнике стоит овощной салат, который лишь осталось приправить оливковым маслом и базиликом. Я достала тарелки и бокалы, Юра открыл вино.

Остаток вечера прошел корректно. Мы говорили ни о чем. Лана ела только овощи – она на диете.

– Идеальная фигура дается не просто так, – со знанием дела рассуждала она. – Приходится себе отказывать. Но это стоит того. Так приятно ловить на себе восхищенные взгляды.

– По-моему, можно есть что угодно. Нужно только вести активный образ жизни, тогда не поправишься, – парировала я, накладывая себе еще мяса.

Лана посмотрела на это с осуждением. Но фигура у меня что надо, так что моя «диета» ничуть не хуже ее.

Вскоре гостя удалилась в нашу спальню. И мы с Юрой, наконец, смогли обсудить то, что нас волнует. Я рассказала ему об убийстве.

– Нет, только не это, – простонал он. – Ты просто магнит для криминальных историй. И ты, конечно, займешься расследованием, будешь тратить на это все свое свободное время и не успокоишься, пока не вырвешь у убийцы признание?

– Что я, с ума сошла? – удивилась я. – Расследование ведут правоохранительные органы. Я всего лишь – свидетель, который обнаружил труп.

– Ты хочешь сказать, что тебя не заинтересовала эта история?

– Немного необычно, что погибшего зовут как кандидата на пост мэра. Но меня это не касается.

Юра взглянул недоверчиво. Я же совершенно искренне не собиралась вмешиваться. Убийство – это страшно. Я даже инстинктивно стану шарахаться от людей в черных шарфах...

Кстати, диван оказался вполне удобным. Мягкий, не скрипит. Я даже пожалела, что он такой тихий. Хотелось вызвать зависть у незваной госты. Есть вещи, которые за деньги и папины связи не получишь. Так что я своих эмоций не сдерживала. Хотя Юре это не слишком понравилось.

– У нас все-таки не реалити-шоу, нам зрители и слушатели ни к чему, – сказал он.

– У нас реальная любовь, – возразила я и страстно поцеловала его.

На следующий день в школе, помимо уроков, мне предстояла воспитательная работа. Забыла сказать, что английский я преподаю и не в школе даже, а в интернате для сирот. Младшие язык учат с энтузиазмом, мечтают об усыновлении за границу. А старшие уже мало на что надеются... Так что с моими учениками непросто.

Люся Короткова из 9-го класса опять не подготовилась к занятию. Из всех английских слов на уме у юной барышни было лишь одно – бойфренд. Пришлось оставить ее после урока и вести себя, как пастух с заблудшей овечкой.

– Люся, ну почему ты не хочешь стать умной, а значит, красивой? Никакая тушь, даже такая густая, как у тебя, не придаст взгляду интеллект.

Двоечница воззрилась на меня с некоторым интересом. Видимо, другие душевспасительные беседы касались совести, души, светлого будущего, но не косметики.

– Знаешь, что меня удивляет? У тебя «тройки» и «двойки» по всем предметам! Не может же быть, что тебя вообще ничего не интересует. О чем же ты будешь говорить на свидании? С такими внешними данными, как у тебя, можно рассчитывать на интерес даже иностран-

ного студента. Так что нужно заранее подготовиться, подучить язык международного общения, чтобы не ударить в грязь лицом. Неужели тебе в школе не нравится ни один предмет?

– Почему же! – возразила девица. – Один нравится.

– Какой же? – спросила я с надеждой.

– Мобильник нашего директора! Клевый, с фотокамерой...

Да, тяжелый случай... Если честно, мне он тоже нравился. И мобильник, и сам директор. Николай Сивоброд больше походил на высокого, бородатого археолога, чем на директора школы-интерната. Впрочем, он и был высоким бородатым археологом. Он преподавал детям историю, возил их на раскопки и всячески внушал, что никакие они не бедные сиротки, трудности вообще закаляют.

Вот и мне сегодня предстояли трудности: визит в прокуратуру города N, до которого еще добраться надо. Электричка, конечно, исключает пробки на выезде из столицы, но на перроне бывает такая давка...

На двери кабинета № 8 висела табличка: следователь Елозина Елена Дмитриевна. Я постучала и вошла. Следователь пристально смотрелась в зеркало, видимо, заметила новорожденный прыщик.

– Проходите, садитесь, – строго сказала она мне, захлопывая пудреницу. – Фамилия, имя, отчество.

Я представилась:

– Виктория Викторовна Победкина.

– Год рождения? – с явным удовольствием спросила она.

Вот нахалка! А если бы я поинтересовалась ее возрастом, она бы небось рявкнула: «Тайна следствия!»

Пришлось честно отвечать на этот и другие вопросы. Еще раз рассказывать, как я собирала подписи в поддержку кандидата. Нет, в этом подъезде у меня знакомых не имеется. Ничего подозрительного, кроме открытой двери, я не заметила. Никого, похожего на убийцу, не встретила. Кто-нибудь в черном шарфе? Так еще не сезон, холода не наступили.

Наша встреча явно подходила к концу, когда зазвонил телефон. Елена Дмитриевна сняла трубку.

– Следователь Елозина слушает. Что?! Опять?! На нашей территории? Совесть есть у людей? Ну почему в мое дежурство? Хорошо, выезжаю. Давайте машину. Только не такую грязную, как в прошлый раз. Ваш шофер вообще знает о таком благе цивилизации, как автомойка? И чехлы на сиденьях пусть пропылесосит...

Она положила трубку на рычаг и тяжело вздохнула.

– Неужели опять убийство? Вроде городок у вас провинциальный, старинный, тихий, а оказалось, прямо Сицилия, – посочувствовала я.

– И не говорите.

– Кого на этот раз?

Она посмотрела на меня оценивающе, видимо, прикидывала, можно ли доверить мне секрет.

– Геннадия Костина.

– Мэра?! – охнула я.

– Нет, конечно. У мэра есть охрана. Опять однофамильца.

– Точно так же, как Афанасия Табуреткина? Странно...

– Послушайте, Виктория Викторовна, – в голосе следователя вдруг появились интонации заговорщицы. – Вы ведь знакомы с той журналисткой. Как ее зовут? Кажется, Маргарита Снегина. Вот и шепните ей, что в городе завелся маньяк, помешанный на политике.

– На самом деле?! – воскликнула я, страшно заинтересованная этой новостью.

Раньше я про маньяков только в книжках читала. И даже там это было до мурашек пугающе.

– Ну откуда я знаю, – передернула плечами Елозина. – Я же его пока не допрашивала. Но слух пустить можно. Тогда областная прокуратура заберет у меня эти дела. Терпеть не могу «висяки». То ли дело, муж жене по голове бутылкой из-под водки съездил. Покушение на убийство. Подозреваемый налицо...

Из прокуратуры я сначала позвонила на мобильник Ритке, сообщила последние новости, а потом отправилась в предвыборный штаб Афанасия Табуреткина. Марго как раз находилась там, да и мне не мешает заглянуть, подписные листы сдать.

Штаб располагался на верхнем этаже местного торгового центра, который работает без перерывов и выходных. Цивильное место. Правда, существовала опасность тут же потратить все заработанные на выборах деньги. Так что я старалась не смотреть на витрины, пока поднималась.

Кто-то нацарапал возле нужной мне двери «Табуреткин-хаус». Внутри – в двух больших смежных комнатах – было многолюдно и накурено. Я почти сразу же споткнулась о пачку листовок, лежавших на полу. Потом долго искала глазами подругу среди сосредоточенных мужчин. Они сидели за столами с компьютерами и телефонами и одновременно говорили по мобильникам, обычным аппаратам и друг с другом.

Заметив меня, Маргарита вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

– Слушай, все совпадает, – возбужденно затараторила она. – Я уже выяснила. Этот Костин – наш ответ Чемберлену, то есть штабу мэра. У него фамилия куда более распространенная, мы этих Костиных с десятков нашли. Но полный тезка, чтобы не только фамилия, но и имя-отчество совпадали, был только один. И сегодня его убили. Задушили черным шарфом. Правда, не в квартире, а в машине. Этот Костин работал таксистом. Местные жители заметили, что во дворе слишком долго стоит машина с шашечками и включенным двигателем. Заглянули в салон, а там труп. Водителя задушили черным шарфом. А на грудь положили газетную вырезку про честные выборы и открытый паспорт.

– Да ты что?! Как по сценарию, – изумилась я. Я все-таки полагала, что это совпадение. – Каждый день аналогичные убийства! А я-то думала, следовательша просто хотела дело скинуть. Кажется, ей работать лень, надо на чистку лица бежать. Нет, здесь все серьезнее. Похоже, у нас действительно орудует маньяк.

4

Чтобы сдать результаты моих подъездных обходов, пришлось выстоять в штабе очередь, как в железнодорожные кассы в разгар лета. Почему-то как раз в это время года любят устраивать еще и ремонт на вокзалах. Очевидно же, что никакой другой сезон не подходит так идеально, чтобы вместо просторного зала ютиться в узкой комнатке без лавочек, буфета и туалета. В штабе стулья были, но все они оказались заняты доверенными лицами кандидата, точнее, другой частью их тел.

Что ж, пока осмотрюсь. Полевиками в штабе командовала тетя Маруся – полная пожилая дама, похожая на бабушку, которая вечером шлепает расшалившихся внуков, а с утра встает ни свет ни заря, чтобы испечь им пирожки. Ее со всех сторон окружили мои коллеги с подписными листами. В основном студенты, от которых уже разлило пивом, и усталые матери-одиночки. Толстушка, то и дело поправляя очки, внимательно проверяла правильность заполнения документов и грозилась позвонить каждому, кто поставил свою подпись.

– Тут одна сегодня уже учудила, – ворчала тетя Маруся. – Хорошо еще, что я вовремя спохватилась, а то был бы подарок Деду Морозу...

То есть штабу соперников, поняла я. Надо же, начинаю кое в чем разбираться.

– А что случилось-то? – вылезла я с вопросом. Раз все равно теряешь время в очереди, то хоть поболтать.

– Что, что! – недовольно пробурчала она. – Ходит тут одна девица, Нинка Сидорова. Ума ни на грош. Но сирота она, выросла в детдоме, теперь дворником в нашем дворе подвизается. Вот и взмолилась: тетя Маруся, помоги подзаработать. Я ее в штаб и пристроила. И что ты думаешь? Сегодня утром приволокла мне аж сто подписей. Я, грешным делом, решила: вот что значит человек из низов, умеет с народом разговаривать, убеждать. Премию ей даже выписала. Пусть сирота порадует. И что же? Она ушла, а я присмотрелась повнимательнее к ее бумагам. И вижу – там паспортные данные моей сестры, которая уже год как покойница. И соседа моего – ветерана войны, он до последнего 9 Мая не дожил. Мертвые души! Оказалось, дворничиха добралась до сведений из ЖЭКа: там паспортные данные на каждого квартиросъемщика есть. Вот она их и переписала, не разобравшись, кто жив, а кто уже и нет. А подписи подделала, коза! Ну, я разозлилась. Мало того, что деньги получила за обман, еще весь наш штаб чуть под монастырь не подвела. Пошла я Нинку искать, чтобы вставить ей по первое число. А она пьяная в сарайчике своем, где лопаты и метлы, валяется с сантехником нашим в обнимку. Всю премию пропила уже. Вот и помогай после этого людям...

Тетя Маруся обвела нас суровым взглядом:

– Хоть у вас-то подписные листы без выкрутасов? А то узнаю, что обманули, своими руками придушу!

– Да что вы, у нас все нормально. Реальные люди, реально подписывались! – загудели студенты.

Я тоже не мухлевала. Обязательно заставила бы «дать шанс Табуреткину» Юру и его полуголую гостью, если бы они были прописаны в городе N.

– Мария Федоровна, что же вы мне не сообщили о проделках этой Сидоровой? – К столу женщины подошел парень в пиджаке, как с чужого плеча, с зализанными гелем волосами. – Это нельзя так просто оставлять. Нужно показательно наказать несознательную гражданку.

– Да ладно вам, Виталий Максимович, ее и так уже судьба наказала, – возразила ему тетя Маруся.

Несмотря на показную строгость, ей, видимо, все же было жалко неразумную Нинку.

– Ну, смотрите, под вашу ответственность, – со всей серьезностью заявил парень, который выглядел слишком молодым для этого.

На обратном пути к своему рабочему месту «ответственный товарищ» неожиданно остановился возле меня и подмигнул. Я неуверенно улыбнулась в ответ, не зная, как воспринимать этот знак внимания...

Когда я сдала, наконец, подписные листы, Ритка тоже закончила штабные дела, и мы вместе отправились домой. Живем мы в соседних девятиэтажках.

Юра еще утром предупредил, что у него важные переговоры с норвежцами, и он вернется поздно. Я не собиралась развлекать белобрысую нудистку и решила переночевать у родителей. Не ужинать же в обществе худышки, которая презирает каждую съеденную тобой калорию...

Так что мы с Марго сели не только в одну электричку, но и потом в одну маршрутку, причем на соседние места. И могли всю дорогу болтать не только ногами. У меня из головы не шла история про маньяка. Но сначала я спросила про особо важного юнца с возможным нервным тиком.

– Рит, это кто такой деловой у вас?

– Виталий Максимович Шустров – вчерашний студент, а сегодняшний начальник нашего штаба.

– То есть он у вас самый главный? – удивилась я. – Надо же, такой молодой. Шустрый Шустров. Это наследственное?

– Не знаю. Наши уже напридумывали, что он племянник замминистра, – и Рита назвала фамилию босса Юры, внебрачного папаша Ланы. – Только, по-моему, мальчишка просто умеет себя подать, как лучшее блюдо в меню. Вот и все.

– Тебе не слишком нравится Виталий Максимович, – поняла я.

– Этот парень не из тех, кто изобретает вечный двигатель, но он первый доложит об изобретении начальству... Вика, а почему ты сказала про маньяка? – Марго решила сменить тему. – Разве они такие бывают?

– Какие?

– Такие не сексуальные. Политизированные.

– А как еще объяснить почти синхронные убийства однофамильцев кандидатов? Или два штаба ведут в буквальном смысле смертельную битву? – предположила я.

– То есть мы устранили их двойника, а они в ответ прикончили нашего? – нахмурилась подруга. – По-твоему, я работаю на мафию? Вряд ли. К чему такие сложности? Разве трупы нравятся избирателям? Избирателям нравится только одна вещь – халява. За поллитру или сотню они хоть за черта лысого проголосуют. Да и вообще, недаром говорят: важно, не как голосуют, а как считают. Зачем же тратиться на киллера, лучше приберечь денежки до того момента, когда будут бюллетени считать.

– Да, здесь не сходитесь, – согласилась я. – Это не самая лучшая версия. И потом, не станет наемный убийца с шарфом ходить и газеты резать. В этом есть что-то опереточное или отчаянное. Вот у маньяков обычно бывает трудное детство, психическая травма и все такое.

Если честно, я и сама не знаю точно, откуда в голове всплыла мысль о политическом психопате, который хочет устроить зачистку выборов. Но, согласитесь, в этом что-то есть...

– Вик, говорят, что политических убийств вообще не бывает, – возразила мне Ритка. – Все громкие смерти политиков все равно из-за денег. Так что я бы поставила на банальное ограбление. Двойникам ведь заплатили за участие в гонке. Не помню, чтобы при убитых нашли крупные суммы. Вот то, что связывает обоих. Вот тебе и мотив. Нужно будет уточнить у Стаса.

Но мне эта версия казалась слишком приземленной. Я в происходящем видела нечто пугающее, зловещее, непонятное. И как оказалось, интуиция и на этот раз меня не подвела.

Просыпаться на следующее утро ужасно не хотелось. Утро вообще такое время суток, когда дико завидуешь безработным. Хотя, если честно, я люблю свою работу. Чего не скажешь о зарплате. И двоечников люблю, и хорошистов. И то, как они путаются в глаголах «will» и

«was», пляже (beach) и самках собак, то есть, простите, суках (bitch), меня умиляет. А вот моя коллега – учитель русского языка и литературы Ираида Менделеева – только будущих медалистов жалует. И требует знания всех правил орфографии и пунктуации и точных дат жизни писателей. За что получила от учеников прозвище «Таблица Менделеева». И этот ученик сухарь не устает делать мне замечания, я же ведь не медалистка.

Ираида – женщина еще молодая и даже вполне симпатичная, если не считать скучный хвостик в качестве прически, бесцветные и бесформенные костюмы и глаза, которые впиваются в тебя, как бормашина в зуб.

Вот и сегодня. Не успела я войти в учительскую, услышала ее противный голос:

– Привет, Викуся! Как поживает Юрий Вадимович?

Забыла сказать, Таблица Менделеева в полном восторге от моего жениха. Он иногда заезжает, так она вешается на него, как ценник на одежду. Ираида уверена, что я слишком легкомысленна и не заслуживаю такое сокровище, в отличие от нее – сугубо серьезной и положительной. Ну и ладно, главное, само сокровище так не думает!

– У него переговоры с норвежцами, – буркнула я, лишь бы она отвязалась.

– Норвегия – очень интересная страна. Там самый высокий в Европе уровень жизни, – завела Ираида. – Но мое представление о ней в корне изменилось, когда я почитала Ларса Сааби Кристенсена. Кстати, мы обсуждали его как-то с Юрием Вадимовичем. Ах, прости, Викуся, ты-то, наверное, не в курсе, кто это такой.

Она что, издевается? В переводе на русский язык ее реплика означает примерно следующее: мы с Юрой ведем интеллектуальные беседы, а ты, то есть я, нужна ему для развлечений, как кукла Барби семилетней девочке.

Но дело в том, что месяц назад я отправилась в книжный магазин. Во мне проснулся лингвист и захотел купить себе нового «Гарри Поттера», которого на русский еще не перевели. А Юра попросил и ему приобрести кое-что. Автора и название книги он мне продиктовал по телефону, в трубке что-то трещало. Так что я приставала к продавцам, требуя книгу «Лассо, сабо и Кристина», предполагая, что это что-то типа «Таня Гроттер и Контрабас». И еще удивляясь про себя, с чего это Юре понадобилась детская книжка. Но разве я виновата? Это все помехи на линии.

Кстати, продавщицы оказались вполне милыми дамами и устроили мне небольшую лекцию по норвежской литературе. Так что теперь мне было чем ответить на агрессию:

– Ну, почему же, Ираида, я в курсе, что книгу «Полубрат» норвежского писателя Кристенсена некоторые критики назвали лучшим романом начала XXI века. Мне тоже понравился язык и стиль произведения. Но замысел показался излишне жестоким...

После чего, изящно повернувшись на каблуках, я с чувством собственного достоинства удалилась на урок, предоставив Таблице ловить собственную челюсть.

На самом деле, этот роман показался мне слишком большим – страниц шестьсот, не меньше. Так что я одолела лишь аннотацию, но это Ираиде знать совершенно необязательно.

Отработав первую смену, я уже привычной дорогой отправилась в штаб Афанасия Табуреткина. Бабье лето – лучшее время для пеших прогулок даже по московским бульварам, а тем более по городу N, где тихие старинные улочки соседствуют с новостройками. Но сегодня погода портилась на глазах. Налетел ветер, накрапывал дождь. Пришлось застегивать свое элегантное бежевое пальто из вельвета. Жаль, ведь из-под него так мило выглядывали обтягивающая коричневая юбка и блузка в желто-бежевую полоску. Я люблю одеваться ярко и модно. Но безумных денег на это не трачу. Ведь существуют распродажи...

Уже на подходе к штабу возле одного из домов мое внимание привлекла толпа народа, в основном пенсионеры и молодые мамы. А еще милицейские машины, сгруппировавшиеся как

у райотдела. Сердце почему-то екнуло. Хотя никто из моих знакомых здесь не живет. Но я не смогла пройти мимо. Воткнулась в толпу и спросила:

– Тринадцатую пенсию, что ли, дают?

А что, хорошая идея. Представляю, какой был бы ажиотаж. Милицейский патруль точно бы понадобился, чтобы избежать давки у кассы.

– Дождешься от них, – хмыкнули в ответ на мою реплику.

– Они, скорее, чего-нибудь отнимут, чем дадут.

– Власть только о себе печется.

– Тут труп нашли, – прервала пенсионерский митинг женщина средних лет.

– Убили кого-то? – почему-то сразу поняла я.

– Ага, дворничиху нашу. А может, сама повесилась. Прямо в своей сторожке. Среди метел и лопат.

– Да уж, девка непутевая была. Пила много. Говорят, там с ней сантехник наш развлекался. Он как протрезвел, глаза продрал, а она мертвая уже. Теперь он под подозрением.

Несмотря на пронизывающий ветер, мне стало жарко. Я будто снова оказалась в битком набитом людьми штабе, услышала голоса тети Маруси и этого надутого Виталия Максимовича:

«– Пошла я Нинку искать, чтобы вставить ей по первое число. А она пьяная в сарайчике своем, где лопаты и метлы, валяется с сантехником нашим в обнимку... Узнаю, что обманули, своими руками придушу!

– Это нельзя так просто оставлять. Нужно показательно наказать несознательную гражданку...»

– Как зовут дворничиху? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Нинка это, детдомовская она, – подтвердила мои худшие опасения старушка, которая все про всех знала в этом дворе.

Значит, это двор, где живет тетя Маруся. И это та самая дворничиха, которая вчера намухлевала с подписными листами. На полученные из штаба деньги она купила выпивки для последней в своей жизни попойки. Не бывает таких совпадений! К тому же опять удавка. Осталось уточнить только одну деталь. И я рванула к месту преступления.

Его никто особо не охранял. Видимо, стражи порядка решили, что дело плевое: сантехник в пьяном угаре прикончил собутыльницу. Мертвое тело скрючилось в тесном сарайчике, дверь которого была распахнута настежь. Я заглянула внутрь. И увидела орудие убийства – черный шарф. А газетный обрывок валялся у порога со стороны улицы. Наверное, работник ЖЭКа пытался воскресить коллегу, тряс ее, вот и смахнул важную улику.

Я наклонилась и подняла намокшую от дождя бумажку. «Я за чистые выборы!» – значилось в ней.

Нет, сантехник здесь ни при чем. И это не пьяное самоубийство непутевой девицы. Это тот самый маньяк, который ни дня не может без новой жертвы...

– Слушай, невероятно, но, похоже, ты права! – взволнованно кричала Ритка в трубку на следующий день. – Я связалась со Стасом, сообщила ему о твоих подозрениях. Он сначала матерился, потом куда-то звонил, потом сказал, что готов взять тебя, Вик, к себе на службу. Они чуть не проспали это дело. Смерть пьющей дворничихи никого особо не заинтересовала. Ее собутыльник уже почти признался в убийстве. Местные опера умеют убеждать. Газетный клочок они не заметили. А когда ты им его показала, они только отмахнулись: мол, нечего всякий сор поднимать. Паспорта при себе у Нины Сидоровой не было, похоже, она его давно уже потеряла. Но черный шарф безошибочно указывает на почерк. Он такой же, он так же скручен и, по предварительному заключению экспертов, странгуляционные борозды на телах всех трех жертв совпадают. То есть их отработанным движением задушил один и тот же убийца.

– Рит, ты понимаешь, что это значит? – осипшим от волнения голосом спросила я. – Эту Нинку Сидорову наказали за обман с подписями. Какой-то фанатик честных выборов, как пить дать, не приемлет никаких махинаций. Не терпит их ни от штабов, ни от частных лиц. Но кто знал о том, что дворничиха схитрила? Кто был в курсе этой истории? Только тетя Маруся и все те, кому она это рассказала вчера при нас. Дальше ведь это не пошло, иначе был бы скандал в избирательной комиссии: там бы стали сомневаться, а не поддельные ли остальные подписи. Получается, что вчера в нашем штабе вместе с нами находился маньяк...

5

Как только я это произнесла, на меня напали. Внезапно и вероломно. Группой лиц по предварительному сговору. Трое на одну. Страх, холодные мурашки и икота. Да, набросились именно в такой последовательности. Сначала мои же собственные слова меня напугали до дрожи, а потом дрожь превратилась в икоту.

Еще бы! Обычно убийцы – где-то там. По тюрьмам сидят, лес валят в Сибири. Еще лучше, когда в любой момент от них можно избавиться, просто захлопнув книжку или выключив телевизор. Но быть с маньяком в одном штабе, в одной комнате. И – что самое ужасное – не знать, кто он. А значит, подозревать каждого и от любого ждать нападения. Ой, ик! Нужно срочно выбывать из предвыборной гонки...

Ритка не стала слушать мое паническое икание.

– Приезжай в штаб, здесь все обсудим, – сказала она.

– Ага! Пойти в логово зверя! – не пускал меня ужас.

За три дня я дважды видела смерть в лицо. И оно мне не понравилось. Преотвратнейшая, нужно заметить, морда. Не в моем вкусе. Если уж на что смотреть в этом стиле, то на посмертные маски из чистого золота. Те, что нашел Шлиман в Микенах, и теперь они хранятся в музее археологии в Афинах. Но я не в солнечной Греции, а на залитой осенним дождем родине. Ах, ик!

– Вик, не глупи! Никто здесь на тебя не набросится и не начнет душить. Тут сплошь цивилизованные люди, при галстуках и без удавок.

Это Марго пыталась меня так успокоить. Попытка удалась наполовину. Вечером я прибыла в «Табуреткин-хаус», но и страх увязался за мной. Чтобы оторваться от него и сбить со следа, пришлось заглянуть в магазин на первом этаже торгового центра и приобрести гель для душа «Антистресс». Непредвиденные расходы, однако.

Ритка ждала меня на лестнице. Маячила там в своих черных джинсах и свитере в белую и черную полоску. Намекала, что жизнь – зебра и мы вступили в черную полосу? Даже сигарету в руках держала. Вообще-то она почти не курит, чтобы не подавать плохой пример детям. Дымит, только когда волнуется. И сейчас наступило именно это «когда». Она специально решила перехватить меня на подступах, чтобы обсудить все с глазу на глаз.

– Сначала давай договоримся о неразглашении, – начала она. – Я, конечно, поделюсь твоими подозрениями со Стасом. Пусть на всякий случай проверит наших штабных, обходчиков и полевиков. Вдруг среди них отыщется какой-нибудь беглый душитель или шизофреник, опасный для себя и окружающих. Но не нужно подозревать всех, кто находился в нашем офисе. Тогда уже у нас начнется паранойя. К тому же здесь нам деньги платят, поэтому нужно как-то повежливее...

– Но разве такое скроешь! – возмутилась я. – Ни дня ведь без трупа не проходит.

– Да уж, это что-то немыслимое! – вздохнула Маргарита. – Но атмосфера всеобщей подозрительности только ухудшит ситуацию. Мы же пока ничего не знаем наверняка, так что давай не будем нагнетать. Никогда не слышала про политических маньяков. Кроме Сталина, пожалуй.

– Рит, но я же не с потолка это взяла, – я почему-то не сомневалась в своей версии. – Как иначе объяснить происходящее? Только у серийных убийц совпадает способ совершения преступлений. Только маньяки оставляют подпись. В нашем случае – газетную вырезку. Согласись, об обмане дворничихи Нинки знал довольно ограниченный круг людей. Сколько народу присутствовало здесь позавчера во время рассказа сердобольной тети Маруси? Нашего кандидата, кажется, не было, зато начальник штаба и другие доверенные лица оказались в курсе.

Плюс четверо студентов и две женщины, которые, как и я, принесли подписные листы. Нужно проверить каждого: на судимость, на вменяемость, установить алиби. Думаю, злодей среди нас.

– Не сходи с ума! – Ритка вытащила очередную сигарету. – В каждом штабе есть засланные казачки. Я не поручусь, что у нас кто-то не сливает жареные факты конкурентам. Я уж не говорю о прослушке. У мэра солидный административный ресурс. Так что маньяк вполне может оказаться с другой стороны баррикад. Узнал нашу внутреннюю проблему и воспользовался. Хотя, возможно, речь идет не о психопате-одиночке, а о каком-то политическом заговоре. Может, кто-то таким кровавым образом хочет сорвать выборы. Мы ничего точно не знаем. Так что, пожалуйста, не смотри на наших коллег, как на врагов народа.

– Постараюсь, – пробормотала я. – Не беспокойся, я не собираюсь вызывать группу захвата, как только увижу у кого-нибудь в штабе черный шарф. У меня в сумочке нет даже детектора лжи. Хотела принести, да не поместился...

Марго права, пока у меня лишь догадки. Но я привыкла доверять интуиции, как американцы своему правительству. Тогда я еще не знала, что, как только войду в «Табуреткин-хаус», глаза мои не сузятся от подозрений, а расширятся от удивления...

Но сначала на лестнице случилось оживление. В свою вотчину пожаловал лично Афанасий Табуреткин. Наконец-то я увидела его не на плакате. Он оказался слегка полноватым мужчиной лет сорока, среднего роста, приятной, типично славянской наружности: голубоглазый и светловолосый. Избирательницам точно понравится. Одет в стильный черный плащ, а если продать его ботинки, можно накормить сотни голодающих. Мне интересно, откуда берутся политики в такой вот обуви? Насколько известно, по образованию наш кандидат – педагог, прямо как я. И когда-то он даже работал в школе, правда, было это так давно и недолго, что его, наверное, и ученики-то не вспомнят. Пойдя по комсомольской линии, Афанасий и пришел в политику. К тому же старший брат товарища Табуреткина – полковник ФСБ. Так что, может быть, оттуда ветер дует?

За спиной Афанасия Ивановича маячил молодой любитель геля для волос, то есть начальник его штаба. Оба при виде нас расплылись в улыбках.

– Здравствуйте, красавицы! – воскликнул претендент. – Ну что, готовы отправить в отставку зажавшихся чиновников и улучшить жизнь простого народа?

– С таким очаровательным штабом мы просто не можем не победить, – вторил ему Шустров.

Рита явно удивилась. Она привыкла к деловым отношениям. Я же расцвела улыбкой в ответ. Хотя и так знаю, что мы просто прелесть, вернее, две прелести.

– Каждой семье – достойную жизнь. Каждому водителю – достойную машину. Каждой кухарке – итальянскую кухню, – продолжил депутат с воодушевлением. – Маргарита, мне рассказали потрясающую новость. Мэр Костин уволил свою домработницу за то, что у нее подгорели котлеты. Вот его отношение к простым людям. Презрение и неуважение. Так и напишем в агитационной листовке. Я вот не использую рабский труд. Сам и в магазин хожу, и яичницу жарю.

– Извините, Афанасий Иванович, – смущенно возразила Рита. – Но я слышала другую версию событий. Супруга Костина уличила домработницу в воровстве. Даже заявление в милицию написала. Это даже попало в сводку происшествий, которую я ежедневно узнаю для своей газеты.

– Все куплено! И милиция куплена! – сокрушенно покачал головой Шустров.

– Ну ладно, раз так, листовок пока не надо, – сдал назад Афанасий Иванович.

Мы вошли в офис вслед за своими начальниками. Уже в дверях я остолбенела. За одним из столов сидел Юра, который вообще-то должен находиться в Министерстве иностранных дел.

А рядом с ним, облокотившись на столешницу весьма упругим мягким местом, разместилась Лана, с которой я уже мысленно простилась.

Эта девица не задала мне ни одного вопроса про выборы, я уже решила, что курсовик – это сказка для папочки. Но нет, она явилась собирать материал напрямик в штаб моего кандидата в мэры, да еще в обществе моего кандидата в мужа. С чего это вдруг? Решила поддержать родственника? То есть слухи о родстве Виталия Максимовича с заместителем министра не преувеличены? Однако ни он, ни она не бросились лобызать друг друга, хотя явно были знакомы. Мне даже показалось, что дамочка поморщилась, увидев нашего юношу. Он же сразу изобразил радость, по-моему, немного преувеличенную.

– О, кого я вижу! – Он склонился к ее ручке. – Ланочка, какими судьбами?

– Мы с папой решили, что я должна поработать над темой «Муниципальные выборы в Центральном федеральном округе», – капризно объявила она.

Да-а, похоже, эта девица у нас пропишется. Я была расстроена и абсолютно бессильна. Ну не могла же я закричать:

– Янки, уберите домой!

Слишком грубо. Придется, мне смириться с фактом, что мой жених сопровождает эту папенькину дочку повсюду, даже в «Табуреткин-хаус». Боюсь, здесь дело нечисто. Ни минуты покоя. Не волноваться можно, когда твой спутник – побитый молью и бомжами алкоголик. Если же у тебя симпатичный и обеспеченный мужик, жди засады.

– Ланочка, наш штаб для тебя – открытая книга. Наблюдай, участвуй, анализируй, – радушно заявил господин Табуреткин после того, как его ближайший помощник прошептал ему на ухо фамилию отца нежданной гостьи.

Он поцеловал ручку VIP-дочке, обменялся рукопожатием с Юрой. Как я поняла, они и раньше были знакомы. Потом начальники занялись обсуждением финансовых вопросов, я же поспешила к своему парню и оттащила его подальше от прелестей Ланы.

– Ну что, мы теперь чудесно заживем втроем? – ядовито усмехнулась я. – Эдакой симпатичной шведской семьей. Я уступлю ей свое полотенце, а Лана даст мне поносить свои эксклюзивные колготки.

– Ну и фантазии! – покачал головой Юра с видом наследного принца, которому долг велит беседовать с работницей скотного двора. – Надеюсь, мы действительно когда-нибудь чудесно заживем втроем или даже вчетвером. Ведь я хочу двоих детей: мальчика и девочку.

– Не меняй тему, – разозлилась я. – Неужели у нас на всю предвыборную кампанию поселится эта девица, при которой даже нельзя нормально поесть? У нее, видите ли, диета, а я должна чувствовать себя жирной коровой...

– Не преувеличивай. Лана не будет жить у нас. Ее отец уже позвонил кому надо и устроил ее в элитный санаторий.

– А ты при ней шофером?

– Если заместитель министра просит, ему трудно отказать...

Что ж, с одной стороны, все не так страшно, как мне представлялось. Но, с другой, эта акула будет кружить рядом с Юрой. А если заместитель министра попросит взять в жены свою дочь? Родители Юры точно сочтут это удачной партией...

В следующее мгновение я отвлеклась от мрачных мыслей: всеобщее внимание обратилось на мою подругу.

– На фоне предвыборной кампании в нашем городе развивается и криминальная интрига, – провозгласил Виталий Максимович. – Маргарита, доложите о происходящем штабу.

И Ритка рассказала о трех убийствах.

– Два однофамильца основных кандидатов на пост мэра и девушка, занимавшаяся сбором подписей, – подвел итог Шустров. – Боюсь, это что-то да значит.

– Это я виновата! – покаянно всхлипнула тетя Маруся. – Я же вчера костерила Нинку, желала ей самого плохого. И вот – пожалуйста. А ведь предупреждали мудрые люди... Моя бабушка была гадалкой. К ней вся деревня ходила. Так она любила повторять: «Осторожнее со своими желаниями, они могут исполниться». Я не сразу поняла, в чем здесь собака зарыта. А потом захотела замуж за Толика. И моя мечта осуществилась. А он через пять лет запил, все из дома вынес, за самогонку отдал. Хорошо еще дочкой меня наградил. Она одна у меня отрада. Вот и теперь. Я же вчера говорила, что обманщиков нужно душить. Накаркала, как говорится...

И расстроенная женщина сняла очки и с шумом высморкалась.

– Не драматизируйте, Мария Федоровна, – приказал начальник штаба.

Его не сильно волновали угрызения совести тети Маруси, да и судьба дворничихи, полагаю, тоже. Но произошедшее ведь будет иметь и сугубо практические последствия – предвыборные убийства не могут не отразиться на всей кампании.

– Боюсь, что теперь у нас пропишется милиция. Надеюсь, что в штабе Костина тоже. Хотя за ним административный ресурс. Нам же придется усилить фонд «Непредвиденные расходы», чтобы они тут не шныряли.

– Займись этим, Максимыч, – распорядился Табуреткин. – Бороться со старым, внедряя новое, прогрессивное, всегда нелегко. Но мы должны преодолеть трудности и прийти к власти, чтобы не допустить разбазаривания городской собственности. Нужно остановить бесконечный рост квартплаты. А цены на бензин? Это же грабеж среди бела дня. Кстати, у нас на горизонте еще одна проблема. Мне в избирательной комиссии шепнули, что Регина Шилова будет выставять свою кандидатуру на пост мэра.

– Только ее нам и не хватало! – поморщился лысый мужчина с усами, как у Сталина.

– Во дает, баба! Не с воза, а на воз, – фыркнул какой-то молодой и прыщавый.

– На что она только надеется, мэрша фигова!

Штаб бурно отреагировал на новость.

Я пыталась вспомнить, известна ли мне фамилия кандидатки. Вопросительно посмотрела на Ритку.

– Регина Шилова – владелица бутика «Модная мадам», – подсказала подруга. – Самого «непровинциального», по словам хозяйки, магазина округи. Утверждает, что у нее товар прямо из Парижа и Милана.

– Это не магазин, а заповедник для богачей, – возразил Табуреткин. – Не знаю, кто в этом городе готов отвалить 10 средних месячных зарплат за скучный серый костюм, хоть и с солидным лейблом? Лично я не купил бы у нее даже пуговицу. Лучше до Москвы доехать или за границей одеться. Там дешевле, и выбор больше. Здесь же нужно выбирать лишь из того, что приглянулось хозяйке на каком-нибудь показе. И оплачивать не только стоимость вещи, но и амбиции мадам Регины. Однако господ с судимостями, в отличие от меня, в Европе не очень ждут. А в безвизовом Египте только в костюме для танца живота можно одеться. Так что, видимо, кто-то вроде бывших рэкетиров да местных чиновников-взяточников и делают здесь прибыль госпоже Шиловой. А теперь она решила стать градоначальницей...

– Действительно, на что женщина надеется? – поразилась Мария Федоровна. – Народ военные парады Прада предпочитает. И на «Дольче и Габбана» у него денег нет. Помню, наш пожилой сосед недослышал как-то рекламу «Модной мадам» и у всех потом спрашивал: кто же эта «дочка кабана», которую приглашали купить со скидкой, свинья, что ли? Кажется, некоторые думают, что мадам Регина мясной лавкой заведует.

– Ну не знаю, наши люди непредсказуемы, – отозвалась Ритка. – С одной стороны, причуды богатых они не любят, но с другой, госпожа Шилова позиционирует себя, как успешная бизнесвумен, которая сделала себя сама. Она во всех интервью рассказывает, что выросла в простой семье, правда, замуж вышла за начальника строительного треста. Но, по ее словам,

муж ее бил, она ушла от него с ребенком, работала на рынке «Динамо», потом возила товар из Турции – и вот поднялась до таких высот. Слезливая сказочка. Это народ любит. Тем более что многие избиратели работают в торговле, и им тоже хочется прыгнуть, как кенгуру: от овощного развала – в кабинет директора бутика. Плюс большинство женщин у нас одинокие, а значит, мужчинами обижены. Почему же им за мэра в юбке не проголосовать? Думаю, у нее есть кое-какие шансы.

– Верно рассуждаете, Маргарита! – поддержал Ритку Виталий Максимович. – Прибавит нам Регина Станиславовна хлопот, устроит себе модный выход в политическую жизнь. Если и не победит, то голоса у нас оттянет. Эх, не буду у нее больше галстуки покупать...

– Надо ей в противовес тоже женщину выдвинуть, – подал голос седой господин в безупречном костюме.

– Точно, нормальную такую тетку, из народа, не мадаму, с детьми и кулинарной книгой, – оживился усатый. – Если две бабы – это уже склока. Пусть в прямом эфире вцепятся друг другу в волосы. Никто за них и не проголосует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.